

Левитова касались общественнаго вопроса, характеръ его мыслей едва ли подлежитъ сомнѣнію, хотя его непосредственный поэтический трудъ вовсе не требовалъ принадлежности къ какому-нибудь опредѣленному кружку, — по самой сущности этого труда.

Левитовъ несомнѣнно принадлежалъ къ той группѣ русскаго общества и литературы, которая, встрѣчая съ полнымъ сочувствіемъ реформы прошлаго царствованія, ждала все большихъ успѣховъ просвѣщенія и общественной самодѣтельности. Въ этомъ смыслѣ онъ и былъ *народникомъ*, какъ были народниками всѣ лучшіе дѣятели русской литературы съ конца 1850-хъ годовъ, работавшіе въ прогрессивномъ направленіи, — потому что искомыя блага просвѣщенія и общественной самодѣтельности всего больше необходимы были именно для народа, и сочувствія къ народу, благія общественныя пожеланія для него, не имѣли другого смысла. Люди изъ народа, «разночинцы», примыкавшіе къ этому движенію, не измѣняли его смысла, не вносили въ него ничего по существу новаго, и только помогали разработкѣ вопроса тѣмъ частнымъ знаніемъ его отдѣльныхъ сторонъ, какими они обладали, выраженіемъ того чувства, которое у нихъ могло особливо наболѣть. Подъ конецъ, какъ извѣстно, стала складываться — исходя изъ разныхъ источниковъ — та особая литературная группа, которая присвоивала своимъ мало выясненнымъ идеямъ специальное названіе и привилегію «народничества». Какъ мы замѣтили въ началѣ статьи, въ свою генеалогію, т.-е. въ число своихъ предшественниковъ или первыхъ дѣятелей, оно, въ ряду многихъ другихъ писателей 60-хъ и 70-хъ годовъ, зачислило и Левитова. Намъ это кажется большимъ заблужденіемъ: тотъ Левитовъ, какого мы видимъ въ его сочиненіяхъ, *не есть* писатель новѣйшаго народническаго стиля. Въ этомъ не трудно убѣдиться, вникнувъ въ его представленія о народѣ.

Въ общемъ, Левитовъ глубоко любитъ народъ, какъ любитъ человѣкъ свою родину, свое отечество. Родившись, много живши въ средѣ народа, Левитовъ былъ близокъ къ нему, умѣлъ хорошо понимать его радости и печали и дѣлить ихъ; но какъ человѣкъ сознательный, онъ не былъ слѣпъ къ темнымъ сторонамъ и недостаткамъ народной жизни. Его идеальный народъ былъ въ будущемъ, — это долженъ былъ быть народъ просвѣщенный и самодѣтельный; но Левитовъ очень остерегся бы идеализировать народъ такъ какъ онъ есть, въ томъ настоящемъ видѣ, въ которомъ хранится еще столько мрачныхъ наслѣдій прошедшаго и столько современнаго безсознательнаго невѣжества